

Я.В. ВИШНЯКОВ*

СЕРБО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И
БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908-1909 ГГ.

ABSTRACT: The paper deals with the diplomatic background of the events between the Austrian-Hungarian annexation of Bosnia and Herzegovina and the preparations for the First World War. It provides details of the involvement, interests and actions of the diplomatic and intelligence services of the Russian and Austrian-Hungarian empires, as well as the related activities of the Serbian and Montenegrin governments. While the policy of Vienna was to secure the expansion further into the Balkans, where the annexation of Bosnia represented only the first step, Serbia and Montenegro sought their own territorial enlargement and regarded the Austro-Hungarian activities as an open threat. Due to the complex imperial relations with Austrian-Hungarian Empire and her efforts elsewhere, Russia considered it would be highly inconvenient if hostilities broke out in the Balkans at that time, and it influenced Serbia and Montenegro to turn their attention toward south and south-east. The Balkan Wars were the outcome of such policy, which further shifted the political balance in the region and led to preparations for the final showdown.

KEY WORDS: *Russia, Austro-Hungarian Empire, Serbia, Montenegro, annexation of Bosnia*

Европейская политика в предшествующие первой мировой войне шесть лет представляла собой практически непрерывную череду кризисов, что тесно связано с нарастающими противоречиями между двумя военно-политическими блоками – Тройственным союзом и Антантой. Но именно на Балканах в те годы завязывался узел межгосударственных противоречий, приведших к первой мировой войне. Вряд ли

* Аутор је доктор историјских наука у Институту за међународне односе у Москви.

может вызвать сомнение утверждение о том, что боснийский кризис 1908-1909 гг. сам по себе, чуть было не вызвавший военный конфликт, стал прологом первой мировой войны.

Изменение характера внешней политики Австро-Венгрии обычно связывают с именем Алоиса Лекса фон Эренталя, сменившего в 1906 году на посту главы внешнеполитического ведомства А. Голуховского. Новый министр, служивший до своего назначения послом в Петербурге, был сторонником агрессивной, наступательной внешнеполитической тактики. Именно аннексия, ранее оккупированных провинций, по мнению Эренталя, могла укрепить позиции Австро-Венгрии в стратегически важном регионе Балкан. К немедленным действиям Вену подталкивали и события в Османской империи, а именно произошедшая там младотурецкая революция, что могло вызвать серьезное ослабление позиций Австро-Венгрии во все еще формально принадлежавших Турции провинциях. 24 сентября (6 октября) 1908 года император Франц-Иосиф объявил об аннексии Боснии и Герцеговины, что по мысли венских правящих кругов могло означать только одно: Австро-Венгрия забирала себе то, чем она и так владела последние тридцать лет. Накануне свой суверенитет провозгласила Болгария.¹

Вопрос об аннексии Боснии был уже окончательно решен к лету 1908 года, о чем подчеркивал известный российский дипломат Н.В.

¹ Отход Дунайской монархии от согласованных действий с Россией по решению «восточного вопроса» стал проявляться еще в конце XIX века. Несмотря на то, что в 1897 году между Россией и Австро-Венгрией было подписано соглашение о сохранении на Балканах status quo, вопрос о его изменении рассматривался австро-венгерскими правящими кругами буквально сразу же после его подписания. Так, например, граф Капнист – российский посол в Вене, сообщал летом 1897 года: «В беседе, которую я имел с графом Голуховским накануне его отъезда в отпуск он высказался по поводу слухов об объявлении независимости Болгарии в том смысле, что венский кабинет, со своей стороны, не имел бы никаких принципиальных возражений против такого изменения существующего порядка вещей, в случае, ежели бы такое изменение было признано необходимым Россией» // АВПРИ Ф. Личный архив Гартвига. Опись 584 дело 49 1897/1898, Л.3.. Вместе с тем, уже тогда это соглашение вызвало негативную реакцию в Сербии. Капнист отмечал летом 1897 года: «Сербская печать продолжает поход против австрийской администрации в Боснии и Герцеговине. Мелкие белградские газеты, как то «Браник», «Одјек», «Ускок», «Зает», «Гласник» и т.д. наполнены статьями со всякими тенденциозными сведениями о притеснения и жалобах сербского населения в оккупационных провинциях. В них говорится о каком-то аграрном обложении, об эмиграции в Америку, о появившихся разбойничьих шайках и тому подобное, - вообще же о жалком экономическом положении страны, управляемой австро-венгерским правительством». Российский дипломат при этом, ссылаясь на донесения российского посланника в Белграде Неклюдова, пишет «об успешном насаждении в тех же оккупационных провинциях «западной культуры» с устройством сети железных дорог, разработкой почвенных богатств и т.д.» // АВПРИ Личный архив Гартвига. Опись 584 дело 49, 1897/1898. Л.17-17 (об)

Чарыков, на основании поступавших к нему известий с Балкан: «боснийский революционный комитет, опираясь на македонских единомышленников, требует самостоятельности Боснии, предлагая корону принцу Габсбургского дома. Брожение среди славян, сербская агитация, турецкие события, глухое сопротивление в Санджаке, побудили здесь дать трем названным корпусам распоряжение о готовности и частичной мобилизации. В Санджаке войска передвигаются на юг. В Боснию двинуты два поезда боевых запасов. Черногория куплена субсидией. Здесь надеются подавить движение в корне мирно. <...> Присоединение Боснии в принципе решено»². Министр иностранных А.П. Извольский тем не менее пошел на переговоры с Эренталем, которые состоялись 2-3 (15-16) сентября 1908 года в замке Бухлау. Австрийский министр, в обмен на благожелательную позицию Петербурга, обещал поддержать требование России об изменении статуса Босфора и Дарданелл. Извольский в итоге был полностью одурачен, поскольку факт аннексии состоялся сразу же после окончания переговоров, а другие державы, особенно Великобритания, отнеслись к идее пересмотра статуса проливов крайне неблагоприятно.

Именно поэтому, реакция на эти события, особенно со стороны России и Сербии была весьма негативной. Но если для России факт аннексии мог означать лишь молчаливое согласие с нарушением Австро-Венгрией всех ранее заключенных договоров и, тем самым, признание экспансионистских планов Вены, что и вызвало бурю негодования деятельностью главы МИДа А.П. Извольского в среде российской общественности³ и скорую его отставку, то для Сербии, которая к тому же, оказалась с трех сторон окружена австрийскими владениями, это событие означало крах надежд на создание югославянского государства с центром в Белграде. Сообщение об аннексии стало не просто шоком для правящих кругов страны, но и вызвало в Сербии мощный патриотический подъем и всплеск антиавстрийских настроений. Так, например, принц Георгий, являвшийся в то время наследником сербско-

² АВПРИ ф. 166 опись 508\1 дело 113 Л. 96.

³ Определенную тревогу российских правящих кругов вызывали также сообщения из Стамбула. Так российский посол в Турции И.А. Зиновьев отмечал в одном из своих донесений в ноябре 1908 года: «Младотурки действительно замыслили, вслед за получением известия о присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии, сгруппировать около Турции все остальные Балканские государства и непосредственно от себя приняли меры к осуществлению этого проекта, от которого, сколько мне известно они не отказались». // АВПРИ Ф.166 Опись 508/1. Дело 113 Л. 99. О реакции русского общества на аннексию Боснии и Герцеговины см. подробнее: Кострикова Е.Г. *Российское общество и внешняя политика накануне первой мировой войны 1908-1914 гг.* М., 2007.

го престола, выступая на антиавстрийском митинге в Белграде, прямо заявил: «Ко хоче да живе, нек мре, ко хоче да мре, нек живи».⁴ Министр иностранных дел Сербии Милованович, выступая на заседании Скупщины 2 января 1909 года, сказал: «Для всех поборников балканской свободы, для всех, кто выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип – «Балканы балканским народам», - ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии».⁵ В Сербии и Австро-Венгрии были проведены частичные мобилизации. Военная тревога достигла пика весной 1909 года. В Сербии начались военные приготовления. 29 марта Австро-Венгрия объявила частичную мобилизацию. День спустя Сербия, поддавшись дипломатическому давлению России, вынуждена была признать свершившийся факт, который стал рассматриваться сербами как национальное унижение, коренным образом повлияв на весь последующий внутри и внешнеполитический курс страны.⁶

Аннексия Боснии и Герцеговины не могла осуществиться без соответствующей подготовки общественного мнения. Именно поэтому важной составной частью этого плана было создание в европейской общественной среде мифа об объективной необходимости этого шага, в связи с якобы готовящимся в Сербии заговора против монархии. Венское правительство при этом преследовало две цели: во-первых, скомпрометировать славянское движение в целом, а во-вторых, столкнуть между собой Сербию и Черногорию, постаравшись при этом если не вовлечь последнюю полностью в орбиту своей политики, то, по крайней мере, ослабить там российское влияние. Российский министр-резидент в Цетинье П.В. Максимов прямо писал, что ему «не раз приходилось слышать от черногорских интеллигентов, недовольных нынешним

⁴ Архив Србској академије наука и уметности (АСАНУ) бр. 13611 Л. 351.

⁵ Цит. по. Искандеров П.А. *Сербия при Карагеоргиевичах*. //В пороховом погребе Европы. 1878-1914. М, 2003. С. 381.

⁶ События аннексионного кризиса проходили на фоне обострения экономических отношений между Сербией и Австро-Венгрией. В 1902 году истек срок австро-сербского торгового договора, заключенного в 1892 году. В 1904 году в Сербии был введен новый таможенный тариф, а в 1905 году заключен невыгодный для Австро-Венгрии торговый договор с Болгарией. В ответ на эти действия сербского правительства австро-венгерское правительство запретило ввоз на свою территорию продукции животноводства, составлявшего главную статью экспорта Сербии. В ответ сербское правительство запретило ввоз австрийских промышленных товаров. «Таможенная» или «свиная» война продолжалась с 1906-1911 год и закончилась фактическим поражением Австро-Венгрии, поскольку Франция и Россия оказали экономическую поддержку сербскому правительству. Экономические отношения между Сербией и Австро-Венгрией были возобновлены в 1911 г. с подписанием нового торгового соглашения.

положением дел, самые убежденные отзывы о настоятельной, почти необходимости для Черногории федеративного единения с Австрией, которые, в будущем подготовило бы федерацию южных славян»⁷. Главную же роль в осуществлении этих планов Вены предстояло сыграть журналисту сараевской газеты «День» Георгию Настичу, по словам российского посла в Вене Урусова – личности темной и «самой сомнительной нравственности»⁸.

В ноябре 1907 года группой черногорской молодежи было переправлено из Сербии 15 гранат, что послужило началом раскрытия заговора против жизни князя Николы, в организации которого были обвинены лидеры, возникшей незадолго до вышеозначенных событий Народной партии Черногории. По сообщению российского министра-резидента в Цетинье П.В. Максимова, «из захваченных писем было установлено, что деятельным поставщиком бомб служил также некий студент белградского университета черногорец Дакович, стоявший во главе прошлогодней здесь манифестации и давно подозреваемый в серьезной революционной деятельности. Помощником ему был престарелый отец, который по заключении в тюрьму, как говорят, сознался в своем сообщничестве с сыном, находящимся теперь в Белграде»⁹.

Российский дипломат, донося о заговоре, особо отметил при этом: «Насколько гадки и низки эти предатели я сам могу убедиться из того, что некоторые из них, перешедшие на сторону настоящего правительства, без стеснения утверждают, что душой их клуба был русский представитель в Цетинье, по наущению которого они и действовали, и который прямо заявил им, что пока народники не будут у власти, императорское правительство не будет выплачивать следующим княжеству субсидий»¹⁰. Кроме того, по утверждению черногорских властей в постоянных контактах с заговорщиками находился русский генерал Липовац – черногорец по происхождению.

Цель австро-венгерского кабинета была достигнута. Сербо-черногорские отношения накалились до предела, а сербский посол Йованович был отозван из Цетинье. Никола требовал от Белграда выдачи черногорцев, якобы причастных к заговору, а кроме того выяснилось, что именно туда ведут якобы нити заговора, о чем и сообщил свидетель Г.Настич. Российский поверенный в делах в Цетинье Е.Ф. Штейн писал: «Прибыв в Белград, Настич вскоре познакомился со многими членами клуба «Словенский Юг» и между ними с двоюродным бра-

⁷ АВПРИ ф. 166 опись 508/1 Дело 102, Л. 34.

⁸ Там же. Дело 113 Л. 91.

⁹ Там же. Дело 102 Л. 25 (об).

¹⁰ Там же. Л. 28.

том короля Петра капитаном Ненадовичем. Его тогда же поразила чрезвычайная интимность отношений между Ненадовичем и наследником сербского престола, их очевидная и неразрывная дружба. Тогда же Настич отметил и то обстоятельство, что наиболее выгодные назначения как на заграничные места по дипломатической службе, так и во внутренней администрации, неизменно давались членам названного клуба, являвшегося, по уверению свидетеля, душою всех пансербских и иных политических интриг <...> В феврале прошлого года Ненадович поручил Настичу отправиться в Крагуевац и ознакомиться там с техникой выделки бомб, предназначенных, как тогда понял свидетель для политической агитации в Новопазарском санджаке и Старой Сербии». Вместе с тем Штейн указывает, что главная цель была изготовления взрывчатки была иной: «бомбы, предназначавшиеся для совершения в Черногории переворота те самые, над изготовлением которых трудился в Крагуевце Настич, и которые затем были отвезены в Белград и сданы в помещение клуба «Словенский Юг. <...> Как бы то ни было, назначение привезенных Настичем бомб внезапно определилось: на настойчивые расспросы о том Настича, Ненадович, избегавший до этого времени определенного ответа, сообщил ему, что настало время решительных действий в Черногории и что бомбы будут отправлены туда для проведения переворота, который с всесербской точки зрения будет иметь самые важные последствия». Российский дипломат при этом был убежден в существующей для жизни Никола опасности: «непреложным мне кажется, остается многократно подтвержденный факт, что бомбы были доставлены в Цетинье из Белграда и столь же почти несомненным, я полагаю, следует считать, что изготовлены они были в Крагуевацком арсенале».¹¹

Летом 1908 года по приговору суда к смертной казни было приговорено 6 человек, четверо из них заочно, трое получили вечную каторгу. Правда Никола заменил смертный приговор двум обвиняемым - Васо Чулафичу и Джуро Войводичу вечной каторгой. Таким образом, Никола расправился с политическими соперниками, а Австро-Венгрии удалось не только столкнуть славянские государства, но и оказывать большее влияние на Черногорию. Несколько позднее, в конце 1911 года в беседе с российским посланником в Цетинье С. Арсеньевым Никола обмолвился: «В минувшем сентябре, мой министр иностранных дел Грегович был в Вене и виделся с графом Эренталем. Граф Эренталь принял его весьма любезно, и, между прочим, выразил ему свое удовольствие за корректный образ действий Черногории относительно Австро-Венгрии во время аннексии Боснии и Герцеговины. Когда на это

¹¹ Там же. Дело 102. Л.39-42.

Грегович ему ответил, что такой образ действий не принес Черногории никаких выгод, то граф Эренталь сказал, что если Черногория будет идти рука об руку с Австро-Венгрией, то черногорская территория в близком будущем получит значительное приращение»¹².

Раскрытие заговора против Николы удивительным образом совпало с началом судебного процесса в Загребе. В январе 1908 года баном Хорватии был назначен Павел Раух, опиравшийся на националистическую хорватскую партию Франка. Тут же последовала череда «разоблачительных» публикаций, в которых сербское правительство обвинялось в подготовке заговора, с целью захвата югославянских земель Дунайской Монархии. Перед судом предстали 53 серба – участники все той же организации «Словенский Юг». Обвинение было построено на неких секретных документах, а главным свидетелем со стороны обвинения опять стал журналист Настич. Российский посол в Вене князь Урусов доносил по этому поводу в августе 1908 года: «К тому, же после обнародования конституции в Турции развилось национальное стремление сербов в Боснии и их вождение получить автономное управление. В Хорватии и Боснии были арестованы главные члены общества «Славянский Юг», имеющего целью освобождение южных славян, в Аграме начался против них процесс по обвинению в государственном преступлении». Урусов писал, что Настич в своих брошюрах признал, что он сам «участвовал в «великосербской пропаганде», но что он отошел от нее, когда убедился в террористической ее программе, включавшей в себя убийство князя Николая Черногорского».¹³

В тоже время, осенью 1909 года, Эренталь снабдил австрийского историка Фридьонга сфальсифицированными документами о «преступной» деятельности сербов, многие из которых входили в состав Сербской самостоятельной партии – опоры хорвато-сербской коалиции в австрийском парламенте. Фридьонг не проверив подлинность документов, которые имели такое же происхождение как те, что фигурировали на загребском процессе, написал на их основе ряд обличительных статей.

Такие действия австро-венгерских правящих кругов по дискредитации славянского движения вероятно достигли бы поставленных целей, если бы подсудимые не получили защитника, которому удалось превратить суд над сербами в суд над австрийским кабинетом. Таким человеком стал один из видных политических фигур рубежа XIX - начала XX вв, будущий основатель чехословацкого государства Т. Г. Масарик, который выступил с рядом громких разоблачений по этому делу,

¹² МОЭИ Серия II- 1900-1913, т. 18, ч.2. М, 1938. С. 346-347.

¹³ АВПРИ. дело 113. Л. 91.

убедительно доказав, что все документы были подделаны австро-венгерским посольством в Белграде, причем непосредственное участие в этом принял граф Форгач – глава австрийской миссии в сербской столице. «Газеты называют именно членов австрийской миссии во главе с графом Форгачем. Правительство потребует отзыва посланника, опустившегося до уровня фальсификатора», - сообщал Н.Г. Гартвиг – российский посол в Сербии.¹⁴

После выступлений Массарика обвинение полностью рассыпалось. И хотя в октябре 1909 года 33 обвиняемых серба были приговорены к различным срокам тюремного заключения, процесс пришлось прекратить, а обвиняемых выпустить на свободу. Развился скандал, ударивший не только по международному авторитету австрийского правительства, но и приведший к прямо противоположным результатам: вместо ожидаемого раскола, произошло еще большее сплочение между чехами и южными славянами.

Не принес успокоения и следующий, 1910 год. Н.Г. Гартвиг писал из Белграда в октябре 1910 года: «В префектуру явился добровольно некий Владимир Васич, сербский поданный, бывший журналист по профессии, сознавшийся в том, что он служил орудием в руках австрийцев при составлении подлогов. Васич арестован; проводится следствие»¹⁵. Оно, кстати, было не долгим, и уже в декабре 1910 года журналист получил пять лет каторжных работ. Тут же возник новый скандал, поскольку, как отмечал российский дипломат, «сербскому правительству удалось снова обнаружить тайную австрийскую организацию, имевшую целью оклеветать политических деятелей Сербии, будто бы готовивших покушение на Франца-Иосифа. Опять дело идет о подделке документов под руководством графа Форгача, на сей раз фабрикованным в пограничном городе Землине, куда и посланник и члены миссии постоянно ездили. Местные власти захватили переписку. Форгач, вызванный сегодня в Вену по телеграфу, объяснил отъезд своей необходимостью дать присягу по случаю получения чина тайного советника. Разоблачения превзойдут все, до сих пор обнаруженное Массариком».¹⁶

Все эти сообщения, при общеславянском осуждении свершившейся аннексии, буквально «взрывали» сербское общество, жаждавшее мести и реванша¹⁷. Отметим, в этой связи, что к 1912 году в Белграде,

¹⁴ Там же. дело 186. Л, 87.

¹⁵ Там же. Ф. 166 опись 508/1 дело 186. Л, 87 (об)

¹⁶ Там же. Л. 109-109 (об)

¹⁷ Большую роль в сплочении славянского движения сыграл X съезд славянских журналистов, состоявшийся летом 1911 года в Белграде. Впервые в Белграде собрались представители всех славянских народов, что еще больше убедило сербских политиков в вероятности создания нового «Пьемонта». «Уже один этот факт был

где проживало всего около 80 тысяч человек, издавалось четырнадцать ежедневных газет, притом, что грамотным было 80% трехмиллионного населения страны.¹⁸

Корреспондент С. Петербургского телеграфного агентства В.П. Сватковский,¹⁹ тесно связанный с российским дипломатическим и разведывательным ведомствами, командированный в столицу Австро-Венгрии в октябре 1908 г., т.е. буквально сразу же после начала Боснийского кризиса, отмечал: «Профессор Массарик приводит в одной из своих последних статей в «Zeit» одну сербскую поговорку в объяснение почему сербское правительство не заботится особенно об уходе гр. Форгача. Эта циничная поговорка говорит, что запачкавшийся своим пометом голубь иногда лучше чистого. Может быть, было бы недурно, если бы Массарик применил сербскую народную мудрость и к Эренталю и оставил его теперь в покое. Поход Массарика сделал уже свое дело. От прежней спеси Эренталья нет и следа. Недаром он говорил и в делегациях, что не собирается вести политику престижа. Такой «запачкавшийся голубь», пока он держится на своей голубятне, может быть более или менее безвреден и любезен не только прежним венским недоброжелателям, но и может быть и державам тройственного согласия. Топить его нет больше основания, но и спасать тоже»²⁰

Последовавшие за Боснийским кризисом 1908-1909 гг. события развивались стремительно. В 1912 году началась первая Балканская война, причем сербское общество и армия с нетерпением ждали ее начала, рассчитывая взять у Турции реванш за 1908 год. Российский военный агент В.А. Артамонов приводит слова сербского генерала Ж. Мишича: «Минута благоприятна; она не повторится и откладывать нельзя: население Старой Сербии не может более переносить уничтожения: оно уже и так потеряло веру, что есть бог на земле; теперь оно вооружено и подготовлено: сыграть отбой невозможно. Да откладывать и бесполезно. Дипломаты никогда не столкнутся – в этом году неудобно воевать одной державе, в следующем году - другой...» При этом В.А. Артамонов добавляет: «Я нашел в нем не только солдата, исполняющего дан-

крупным славянским успехом, особенно если принять во внимание, что сербское общественное мнение, постоянно слыша и твердя о славянской солидарности на самом деле мало соприкасается с зарубежной славянской жизнью. Это давно необходимое соприкосновение со всем целокупным славянством состоялось теперь впервые», - отмечал В.П. Сватковский // АВПРИ Личный архив Сватковского оп. 793, д. 6. Л. 26

¹⁸ Троцкий Л.Д. *Сербская пресса* // Русские о Сербии и сербах СПб 2006 С, 523

¹⁹ О В.П. Сватковском см. подробнее: Кострикова Е.Г. *Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны* М., 1997.

²⁰ АВПРИ ф. 340- Личный архив Сватковского опись 793, дело 6. Л. 4(об)-5.

ное свыше приказание, но и человека глубоко убежденного, что данную минуту нельзя упускать, что останавливаться поздно и нежелательно»²¹ 30 мая 1913 года в Лондоне были подписаны мирные соглашения, согласно которым практически вся европейская Турция переходила под контроль держав-победительниц. Однако сразу же после победоносного ее окончания, в конце июня 1913 года против Сербии и Греции начала воевать Болгария. Началась скоротечная вторая балканская война. В начале июля войну Болгарии объявили Румыния Турция. И уже в конце того же месяца Болгария запросила мира.

Кстати, российский военный агент в Сербии отказался ехать на театр военных действий второй балканской войны. Объясняя сербскому монарху причины своего поступка, он подчеркнул, что «совершенно воздержался от этой поездки, оставаясь, во-первых, на точке зрения «братоубийственной» войны, а во-вторых, с военной точки зрения, потому что, находясь в кампании с австрийцем и итальянцем, я должен был бы подвергнуться одинаковому с ними режиму, что было бы оскорбительно, а выгодно для австрийца и невыгодно для сербов»²².

30 июля того же года в Бухаресте открылись мирные переговоры, завершившиеся подписанием 10 августа 1913 года соответствующих соглашений. Сербия получила значительную часть территории Ново-Пазарского санджака, была образована общая граница между Сербией и Черногорией. В состав Сербии вошла также Вардарская Македония. Южная Македония, Салоники, часть Западной Фракии вошли в состав Греции. Часть восточной Фракии и Адрианополь были возвращены Турции. Румыния получила Добруджу. Таким образом, Болгария потеряла не только большую часть своих недавних завоеваний, но и некоторые свои исконные территории, что окончательно толкнуло ее в объятия германской политики. Д. Бьюкенен – посол Великобритании в России в 1910-1918 гг. отметил: «Бухарестский мир с удовлетворением был приветствуем императором Вильгельмом по вполне понятным причинам. Этот мир переделал все, что сделала первая балканская война, и создал такое положение, которым прекрасно воспользовалась Германия в начале Европейской войны. После его подписания король Фердинанд, как говорят, сказал: «Ma vengeance sera terrible», (моя месть будет ужасна) - и он сдержал свое слово»²³. А российский военный агент в Болгарии Романовский, оценивая общие итоги балканских войн, отмечал: «сербо-болгарская война является крушением всей нашей предшествующей балканской политики, и, независимо от ее итога, может быть

²¹ РГВИА ф.2000 Дело 7382 Л, 53 (об) –54.

²² РГВИА ф. 2000 дело 3048 Л. 20

²³ Бьюкенен Д. *Мемуары дипломата*. М, 2001. С.112.

для нас только невыгодной. Если бы болгары победили сербов, то это повело лишь к торжеству австрийских интересов и к сближению Болгарии с Австрией. Если, как это случилось в действительности, благодаря выступлению Румынии, греки и сербы победили болгар, то это должно привести лишь к усилению греков и румын и к уступке им областей с славянским элементом»²⁴.

Российский исследователь Т.М. Исламов заметил, что Балканские войны явились решающим фактором для развития июльского кризиса 1914 года: «Бессилие и бесплодность австро-венгерской дипломатии со всей очевидностью проявились в 1912-1913 гг. Проигравшей в итоге балканских войн стороной оказалась не одна только Турция, но и Австро-Венгрия. Она была унижена, посрамлена. Впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия империи Габсбургов. Авторитету ее как великой державы был нанесен ощутимый урон. Еще больше пострадал престиж империи в глазах собственных подданных, особенно югославянских и просто славянских. Жгучее чувство униженности и бессилия испытывала, пожалуй, вся верхушка империи. И эта психологическая травма сыграла немалую роль в бесшабашной агрессивности правящих кругов в роковые июльские дни 1914 г.»²⁵ В этой же связи заметим, что в 1913 гг. итоги лондонской конференции и Бухарестского мира преподносились австро-венгерскими правящими кругами как очередной успех имперской политики: в противовес идее создания Великой Сербии успешно проведена аннексия Боснии и Герцеговины, а также создано албанское государство. Именно так писал в австрийской прессе уже упоминавшийся нами придворный историк Фридьонг, отмечая, что новый министр иностранных дел Берхтольд успешно завершил начатое Эренталем. Даже провозглашение в 1911 году, т.е. незадолго до начала первой Балканской войны, Черногории королевством позитивно оценивалось австрийскими кругами. Так, например, журналист Л. Мандель, выразитель официальной точки зрения венских правящих кругов, в беседе с В.П. Сватковским прямо сказал, что «провозглашение Черногории королевством было победой присущего сербскому народу сепаратизма над не имевшей достаточной почвы, привозной с запада, идеей сербского единения вокруг Сербии как сербского «Пьемонта». Он же добавил, что «Сепаратистская в сербском смысле Черногория не только не опасна для Австро-Венгрии, но может взять на себя отчасти или временно ту или иную австро-венгерскую миссию, например в се-

²⁴ РГВИА ф. 2000. Дело 3048 Л, 66(об)

²⁵ Исламов Т.М. *Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи.* //Новая и Новейшая история №5, 2001.

веро-албанском вопросе, даже в санджакском вопросе. Так, например, не подлежит сомнению, что Черногория завладеет лежащей в Санджаке пограничной Беранской нахией. Течение событий дает ясные предубеждения относительно этого естественного и неизбежного расширения черногорской территории на восток. И Австро-Венгрия противиться этому не будет»²⁶.

Именно с 1912 года среди венских правительственных кругов стали усиливаться милитаристские настроения. Видный представитель немецкого юнкерства Леопольд Хлумецкий уговаривал Берхтольда немедленно начать войну против Сербии. «Необходимо воспользоваться моментом, - говорил он, - Вопрос ведь в том, чье влияние будет преобладать в Белграде – наше или русское?» И он же предостерегал министра иностранных дел: «Если к русскому влиянию присоединится еще и экономическая независимость, тогда будет ясно, что югославянский вопрос решен без нас и против нас». Милитаристскую антисербскую и антирусскую кампанию развернула и австрийская военная печать - газеты «*Danzers Arme-Zeitung*» и «*Arme Blatt*».²⁷ Подобные настроения выражал и начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, который не только не боялся войны, но и стремился ее начать. С начала XX века он делал это так настойчиво, что одно время даже впал в немилость у осторожного Франц-Иосифа, однако в 1912 году был возвращен на службу, что могло означать только одно: Австро-Венгрия готова развязать войну. Таким образом, уроки 1908-1909 годов были вполне учтены венским кабинетом во время знаменитого июльского кризиса 1914 года.

Я.В. ВИШНЯКОВ

SERBO-MONTENEGRIN RELATIONS AND THE BOSNIAN CRISIS 1908-1909.

Summary

The Bosnian Crisis of 1908-1909 constituted an event which greatly influenced the development of the political situation in Europe in the beginning of XX century. In September 1908 Austria proclaimed the annexation of the territory of Bosnia and Herzegovina occupied by it under the verdict of the 1878 Berlin Congress which marked the end of the Russian-Turkish War of 1877-1878. Part of the plan was to

²⁶ АВПРИ Ф. 340. Описание №793 Дело 6. Л. 12-12 (об).

²⁷ Там же. Л.128-130.

create a European public sphere of the myth of the objective necessity of this step, for allegedly preparing a plot against the Serbian monarchy. The Vienna government in this case had two objectives: firstly, to compromise the Slavic movement in general, and secondly, to push each other Serbia and Montenegro, Be careful if you do not engage fully in the final orbit of its policy, then, at least, to weaken Russian influence there. The purpose of the Austro-Hungarian cabinet had been reached. Serbo-Montenegrin relations strained to the limit, which is consistent with the geopolitical interests of the Austrian cabinet on the Balkan. The implications of this step of Austrian-Hungarian monarchy did not take long to appear. Only five years after the said event in Sarajevo a shot rang out which turned out to be fatal not only for the Austrian-Hungarian, but also for Ottoman, German and Russian empires. The lessons of the Bosnian crisis have not lost their topicality today, as well.